

Л. НИКУЛИН

Быть ли городу Мариуполю?

Старинный городок в развалинах — живая, наша гордость. Ленинград и Киев — в отрогах лесов. Пятнадцать городов, разрушенных войной, таких, как Воронеж и Новгород, Смоленск и Новоросси́йск, воздвигаются заново, их первоочередное восстановление обеспечено решением правительства.

Фантасмические громады жгли, взрывали, выжигали, болели, школы, театры. Немцы фашисты — дом за домом — уничтожали перед уходом главные улицы, «попел» бомбили заводы, жилища, портусы, общественные здания. Теперь все это надо отстроить, соорудить вновь.

Сегодня мы восстанавливаем в восьми советских республиках десятки городов — старинные очаги нашей жизни, нашей культуры. Закон о пятилетнем плане содержит задания огромного масштаба: 42 300 миллионов рублей ассигновано на городское и жилищное строительство, 72 400 тысяч квадратных метров жилой площади будет построено или восстановлено за пятилетку.

Кто же отвечает за качество восстановления городов? Кто несет особую ответственность за то, чтобы города оставались городами, чтобы они имели свой исторический сложившийся центр, сохраняли свою неповторимую красоту, свой — поколениями обжитой — уют, свое лицо?

Опыт последних лет показывает, что министерства, которым доверены пятилетним планом деньги для жилищного строительства, заводы и фабрики, которые строят дома, кварталы, а иной раз целые города, — не обо всем думают, строя не по-государственному и порою из-за технических лесов не выдают самого города, не замечают общегородского исторического лица.

Четыре с половиной года прошло со дня освобождения Мариуполя. Тысячи советских людей возродили завод «Азовсталь» — сердце города. В этом году будет возведен, уже третий по счету, домик, вступит в строй грандиозный прокатный цех. В Макейевке, в Бузине, в Магнитогорске готовятся сегодня для «Южной Магниты» сотни необходимых специалистов.

Готов ли Мариуполь встретить рабочих, инженеров, техников, принять их, разместить?

В центре города, разрушенного немцами, завод «Азовсталь» получает большую территорию для постройки жилых домов — 13,5 гектара. Страна заинтересована в том, чтобы, удовлетворяя свои потребности, завод в то же время строил город. Город заинтересован в том, чтобы пустые закопанные воронки снова превратились в обычные дома, населенные советскими людьми. Наконец, советские люди — те же рабочие и инженеры завода «Азовсталь» — заинтересованы в том, чтобы жить в центре города, где сохранялся и действует во дворе, канализация, есть электричество и газ, где улицы замощены и засажены деревьями, где по улицам ходят трамваи, где близко — театр, кино, школы, магазины и до самого завода — рукой подать!

Казалось бы, все ясно.

Когда-то, до войны, когда город был перенесен, завод «Азовсталь» справлялся претельно с правом строить собственный городок — со своими школами, двором культуры, парком и даже курортом на берегу моря. Он восстанавливается теперь и безусловно также будет создан, но сейчас — нелегко обстоит. Война внесла суровый корректив. Если львиная доля ассигнований на жилищное строительство в Мариуполе приходится на завод «Азовсталь», то разве не вправду город и его общественные организации требуют от металлургов и оторванных от государственного понимания огромной проблемы первоочередного восстановления старого города?

Между тем многие месяцы тянется неплатная и бессмысленная тяжба между Мариупольским горисполкомом КД(б)У, Мариупольским горисполкомом, на стороне которых государственные интересы, и директором «Азовстали» тов. Богданом, на стороне которого — мощные ассигнования.

Уже в феврале 1947 года Мариупольский горисполком отменил специальным постановлением суровое отстранение руководства завода «Азовсталь» от строительства «собственного» города на восточной площадке, оторванный от исторически сложившегося культурного центра Мариуполя.

В городе будем строить 14 процентов жилья, но больше, а остальные 86 — у себя, на востоке, — сказали руководители завода.

Как всегда, нахлынули доводы: в городской тесноте трудно применять поточный промышленный метод, дело затянется, а на восточной площадке — там и железно-дорожные пути, и база.

Как всегда, спор, завязавшийся на месте, перешел в республиканские, всевозможные инстанции, завязалась оживленная переписка между министерствами и ведомствами.

Совместное решение Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Министерства черной металлургии от 9 сентября 1947 года согласовало интересы города и завода, как будто дело прокатилось, наконец, затянувшийся спор. На жилищное и культурно-бытовое восстановление старого Мариуполя завод должен в ближайшие годы направить 35—40 процентов своих ассигнований. В кратчайший срок должен быть отстроен весь полуразрушенный фонд жилых городских кварталов, должны быть полностью — во всей новой красоте — застроены две главные городские магистрали: проспект Республики и улица Артема.

Плановое начало нашей жизни проявило все свои преимущества в этом решении: в нем воедино связаны государственная экономия народных средств, исторический интерес города Мариуполя, жизненные удобства советских людей.

Казалось бы, это решение снимает вопрос, поставленный в самом заглавии нашей корреспонденции, — быть ли Мариуполю?

Мариуполь — быть!

Однако в городе, где жизнь не ждет, в который завтра придут тысячи новых рабочих и специалистов, по существу все остается попрежнему...

Согласившись с заданием на бумаге и приняв новый титульный список строительства домов в 1948 году, руководители завода и треста «Азовстальстрой» (тов. Титенко) фактически продолжают вести строительные работы только в поселках. Попрежнему оно мотивирует это неотложными нуждами стройки. Все остается по-старому.

В прошлом году план по жилищному строительству был выполнен едва наполовину. Были ошибки, но не в ущерб. Никак не дождутся марипольцы окончания отдела хотя бы пресловутого пятиэтажного здания, в котором размещается, кстати, будь упомянуто, само строительное управление № 6, ведущее жилищную стройку завода-гиганта. Камешники и штукатуры никак не могут покончить квартиры, в таких строительных поправках сталкиваются во дворе с детскими колясками.

Вдали от города и в стороне от завода, в разбросанных по степи поселках живет большинство металлургов «Азовстали» и строителей «Азовстальстроя». В поселках нет даже клубов, поспать в городской театр или кино — сложная и утомительная операция. Школа — и та за пять километров. На завод, на работу — многокилометровый марш по грязи или погоя за попутным грузовиком.

Пора, наконец, руководителям завода и строителям прекратить спор с Мариуполем и понять, что где-то далеко в стороне от их местных и сепаратных позиций, где-то ближе к городу лежит государственный интерес, и он, как всегда, совпадает с интересом советских людей, со сталинским заботой о человеке.

Мы говорим сегодня об одном Мариуполе. Однако не только в Мариуполе вступают в подобный неадекватный «конфликт» строители и горожане. В феврале этого года Совет Министров РСФСР отметил нарушение генеральных планов восстановления Ростова-на-Дону в Пскове. Речь шла о том, что указание правительства о первоочередном восстановлении и строительстве жилых домов и гражданских зданий в центральной части городов, о комплексной застройке главных магистралей не выполняется. Качество работ было признано неудовлетворительным.

Серьезные сигналы! Мы знаем — город Мариуполь будет, но строить его трудно и в срок, поднимать из развалин еще лучше и краше былого.

МАРИУПОЛЬ.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

ГРАЖДАННИН ГОРОДА БУИ

Петр Михайлович Дружик много лет работал в Костромской и Ярославской областях лесоводом. Ходил по краю, оглядывая землю глазами человека-хозяйина, находящего туполазники, глины и торф, кварцевые пески и целебные подпочвенные воды.

Сейчас Петр Михайлович — хранитель краеведческого музея в городе Буй. Он сам в основном этот музей, подарив городу собранные за долгие годы жизни коллекции старых монет, каменных топорков, стрел и других памятников материальной культуры края.

БУКЕТ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

В начале апреля нынешнего года заведующая детским садом в гор. Кандалакше Зоя Михайловна Перская приехала на конференцию в Москву с букетом заполярных роз.

За три года до этого Зоя Михайловна привезла с юга в свой детский сад первые цветы. Полярной почвой дети наблюдали и ухаживали за растениями. И вскоре детский сад стал напоминать оранжерею. Около дома растут деревья, пересаживаемые из леса.

Кировский ботанический сад прислал лоты кусты черной смородины, жимолости, аккаций, комнатные цветы. Прошлой осенью, когда детский сад переехал в новое здание, в школу, каждый малыш принес в класс банку с цветами.

В феврале, когда в Кандалакше начинается полярный день, у ребят детского сада № 1 цветут горечавки, примулы, в марте распускаются розы.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Мастер Ново-Краматорского завода имени Сталина Пантелей Корнев вызван на соревнования известного новатора, мастера московского завода «Калибр» Николая Российского.

Москвич принял вызов и для начала пригласил ново-краматорца к себе на завод познакомиться с опытом работы участка, которым руководит.

Из редакционной почты

Справка о равнодушии

30 лет тому назад, 14 марта 1918 года, Сергей Алексеевич Иванов ушел добровольцем в Красную Армию. После ранения, полученного им в бою, врачебная комиссия вынесла решение: «Б продолжение военной службы не способен, а поэтому увольняется с составлением на учет».

«Демобилизованный», — пишет нам тов. Иванов, — я проработал до 1943 года, но отработавшая старая рана, и я слез в постель. Пять лет я находился в 1-й группе. В прошлом году я решил написать в пенсионное управление Министрства социального обеспечения РСФСР тов. Корнееву. Я спрашиваю у него, имею ли я право получить персональную пенсию. Через некоторое время я получил открытку от инспектора Московского городского отдела социального обеспечения тов. Андреевой, — она просила меня зайти. Но я не могу выйти с кровати, поэтому не мог прийти к ней. Я написал тов. Андреевой о своей болезни и послал все документы. Промесла месяц. Тов. Андреева не отвечала мне. Промесла еще два месяца, — тов. Андреева продолжала хранить молчание. Послал письмо тов. Корнееву, но в нем молчит. Прошло еще полгода. Корнеев и Андреева молчат. Срок, право, немалый для того, чтобы найти время ответить что-нибудь...

Анатолий Иванович Есиков в 1942 году окончил 9 классов в 27-й школе Кировского района города Молотова. После школы тов. Есиков был призван в ряды Советской Армии. Три года сражался он с немецко-фашистскими захватчиками.

«В настоящее время», — пишет нам тов. Есиков, — я — демобилизованный офицер. Хочу продолжить свое образование. На днях я послал пятое письмо на имя директора школы № 27. Просил прислать мне справку об окончании 9-го класса, но до сих пор я не получил ни справки, ни ответа.

11 февраля с. г. Министерство здравоохранения СССР получило письмо врача, являющегося Ответственным врачом тов. Корданского. Он писал о недостатках, мешающих врачам вести научную работу.

«Потребовался целый месяц», — пишет нам тов. Корданский, — чтобы ответить мне о том, что мое письмо министерство переслало в Киев. Письмо подписала зам. нар. управления кадров тов. Колосов. Про-

ГАЗЕТА КИНОМЕХАНИКА ШУРАЛИНЕВА

Нет в Краеводском районе аула, где бы не знали товарища Шуралинева. Он — киномеханик, из года в год ко-чующий с кинопередвижкой по красно-водам аулам. Как ни раз были товарищу Шуралиневу везе и повсюду, но ему казалось, что он еще мало приносит пользы людям. Хотелось рассказать, что делается в других аулах, какие там трудовые дела и культурные достижения. И товарищ Шуралинев придумал световую газету!

Молодежь аула собрала материал для первого номера световой газеты, который недавно «вышел на экран» красноводской кинопередвижки.

«ШЕРЕГЕШ»

Горная Шория. В далекие времена осели здесь в лесах кержак-староверы, жили веками молчаливо, замкнуто.

И вот не так давно в Москву на имя Николая Михайловича Шверника пришло отсюда письмо. Семидесятилетний Шерегеш Михаил Александрович писал, что, охотясь, набрал на strange камни — похуже, железная руда.

Геологи выехали на разведку. Старый охотник встретил их, проводил к месту находки.

Сейчас железорудное месторождение «Шерегеш», названное именем первооткрывателя, вошло в план эксплуатации на ближайшие годы.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

С переменным успехом социалистическое соревнование мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернувшись домой, Соренован начался. Используя у себя переданный Российским передовой опыт, развил его, рабочий коллектив пролетарского мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

Серьезным успехом социалистического соревнования мастеров продолжается.

Все ожидают в нашей литературе новые голоса. С каждым годом увеличивается число писателей, издающих свои произведения. Тем больше значение приобретает в этих условиях воспитание новых писателей, в руках которых — будущее советской литературы.

Важным явлением является альманах «Молодая гвардия», объединяющий творчество молодых писателей Советского Союза самых различных национальностей.

Альманах открывается поэмой А. Недогонова «Флаг над сельсоветом». Широкая поучительность этого произведения, отмеченного Сталинской премией, свидетельствует о том, что новое поколение писателей, идущих в советскую литературу со своим опытом, со своими чувствами и идеями, не нуждается ни в какой помощи со стороны.

В альманахе молодых писателей эта поэма впервые публикуется полностью (часть I и II). Уже первая ее часть подкупает своей силой, свежестью, глубоким проникновением в колхозную действительность.

Вся поэма является гимном колхозному труду, природе русских полей, их раздолью. Колхозный труд изображается автором с подлинно эпическим размахом и в то же время лирическим проникновением; чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать главу, посвященную жатве.

Ой, свежа под осень жатва!
Сколько света впереди!
Нива мира, словно жатва,
У России на груди!

И рядом с этой высокой лирической патетикой мы видим картины, написанные реалистическим зорким, с тонким чувством юмора. Вот бригадир Андрей Дубнов, верховокачавший сейчас на поле,

...мальчик увидел.
Тот, в наполненном мешком,
давит селу кулакком.

— Что ты плачешь? Кто обидел?
— Колхозного босиком!

— Ты ж в работе весь соперник:
для тебя, мейя владу,
Николай Михайлы Шернви
за труды жидет везду.

Нужа в поле, и не хитро!
— Хорошо, Андрей Илдан...

Здесь, все изобилье света, жизни,
юмора, подсолнухом глазом подлинного художника. А. Недогонов умеет подметить те черты нового, которые делают его творчество по-настоящему современным.

Те же особенности отмечают и небольшую поэму украинского поэта И. Воронко «По Неометини в Червотину», отличную по идеологии на русский язык С. Васильева. В ней находят воплощение передовые творческие тенденции нашего искусства: нерасторжимая связь с жизнью народа, стремление запечатлеть его самые глубокие думы и переживания, а также язык, доступный миллионам людей.

Мимо этого произведения нельзя пройти, оно захватывает своим лиризмом, стремительностью, всем своим строем — ясным и прозрачным, выражающим богатство чувств.

Очень просто с первого взгляда сюжет поэмы. Девочка Катруся, освободившая Советской Армией, возвращается домой, в свою родную Червотину, из немецкого плена, а навстречу движутся наши воины. Радость, ликование Катруся, счастье возвращения на родину выражены поэтом проникновенно и задумчиво.

Своеобразие, талантливое произведение А. Недогонова и П. Воронко свидетельствуют о том, что наибольшие успехи одерживают те поэты, в творчестве которых выражаются новые чувства, новые мысли, рожденные советской эпохой, и которые

«Молодая гвардия». Альманах молодых писателей. Изд-во «Молодая гвардия», 1946, 264 стр.

торые в то же время опираются в своей работе на моральные традиции народной поэзии и реалистического искусства наших классиков.

Однако некоторые молодые поэты полагают, что новаторство заключается в том, чтобы поработать читателя необычностью конструкции и оборотов речи. Стихотворение М. Луконина «Новый дом» написано тяжеловесным, нарочито неуклюжим, угловатым и изломанным языком, изобилует неправдоподобными оборотами:

Я дряхлю, не жалая сил,
Над полем славившая дрожь...

Автор обещает:

Приду потом —
Построим мы и мост,
и дом...

Абстрактные холодные рассуждения подменяют в стихотворении живую мысль, живое чувство:

Благословляю мир страны трудом.
Дымится мой завод.

В Сталинграде строю дом,
В Саратове — газорочком...

Произведение отвлеченно, схематично, безжизненно. Это тем более досадно, что М. Луконин написал ряд удачных стихотворений, которые можно считать примечательным явлением нашей молодой поэзии.

В стихотворении А. Межирова «Дороги осени» есть реалистически зримые детали, но в целом оно условно, аллегорично. Тема строительства в нем (так же как и в ряде других стихов, опубликованных в альманахе) звучит отвлеченно, декларативно.

Встав на леса,
На кирпичи —
На нерушимом пьедестале, —
Здесь

смены
трудятся
в ночи.

Большим достоинством альманаха является то, что в нем представлены молодые поэты всех наших республик. Среди их произведений есть много ясных, свежих, привлекательных. Наиболее удачны «Домашняя» грузинского поэта Р. Маргари, «Сонная ночь в Казети» И. Невешвили, небольшая поэма «Книжки градостроителя и страж Верхнего озера» Д. Вараиди (Эстония). В этой поэме интересно пересматривается старое народное предание о том, что Верхнее озеро должно затопить Таллин, как только прекратится строительство города. Прошла война.

Мифический страж озера считает, что настало время «спустить воды на Таллин разбитый». Но юный градостроитель ведет его по городу и показывает, как поднимается город.

Тени заводов встали вдали,
мчалась автомобиль,
в тихой воде незнакомых прудов
сонные лебеди плыли...

Город простер свои крылья ввысь,
К пригородам последним.
Озеро на груди его,
как голубой передник.

К сожалению, большинство поэтов представлено в альманахе одним стихотворением. Мы не успевая познакомиться с ними, понять своеобразие каждого из них.

Молодая литература, как мы уже подчеркивали, не нуждается ни в каких связках на молодость. Однако редакция «Молодой гвардии» не всегда следует этому условию.

Наряду с удачными стихотворениями (Д. Хуастова, С. Орлова, А. Клячина, Г. Клячина и др.), в альманахе немало произведений слабых, вялых, беспомощных.

Когда М. Новиков пишет:

Кто с юга проходил на бак,
Тот мог называться акробатом,

— то этики пирровыми образами откровенно не выражая характера службы на море.

У Е. Карпенко мы читаем в стихотворении «Гвардеец»

Быть может, вспомнил ему
Лесных черемух белый дым...

Этот явно заимствованный образ («Все пройдет, как с белых яблонь дым» — С. Есенин) меньше всего свидетельствует о творческой зрелости автора.

Редакция должна была проявить заботу не столько о количестве поэтов (их представлено больше 60), сколько о том, чтобы каждый из них обладал творческим лицом и высоким уровнем мастерства.

В прозаическом отделе альманаха опубликован ряд удачных произведений. Отрицать, что молодые писатели упорно работают над коротким рассказом, и ныне из них добились несомненных успехов в этом трудном жанре. Для авторов лучших рассказов альманаха характерно не отвлеченное, умозрительное, а активное творческое восприятие жизни.

Удачен рассказ Н. Зеленского «В зерле», повествующий о скромной девушке из бедняцкой семьи. Без пафоса и нарочитой приподнятости передает автор героине военных будней, при помощи скупых деталей, подмеченных порой с тонким юмором, раскрывает новые черты психологии советских людей.

Герой рассказа А. Медникова «Первый день», вернувшийся с войны в родной город, хочет покинуть его. Дом, где он жил, разрушен, жена расстреляна немцами, все окружающее вызывает скупом тоскливое воспоминание. Но, участвуя в ночной аварийной работе (в городе восстановились гидростанция, и ночью начинается заводнение, которое грозит разрушить дамбу), Трегубов, герой рассказа, снова испытывает опущенные полноты жизни, радости творческого труда и находит свое место среди близких ему людей.

В рассказе белорусского писателя А. Кулаковского «Сал» тоже говорится о вернувшемся с фронта в родной колхоз воине, о том, в каких сложных условиях идет восстановление, борьба с пережитками чуждых влияний.

Застойный прозаик Э. Мянник дает возмущающий образ матери, отомщенной немцами за то, что они убили ее сына. Пожалуй, наиболее удачен в альманахе рассказ ленинградского писателя С. Антонова «Книжки-задачники», повествующий о нашей колхозной молодежи, талантливой и настойчивой, стремящейся к знаниям.

Таковы лучшие прозаические произведения альманаха.

Ничто рассказы, помещенные в сборнике, неслучайны. Так, «Строитель» В. Духинцева — всего только мало удачный вариант повести Н. Асанова «Волшебный камень»; здесь действует тот же молодой геолог-энтузиаст, и любимая женщина также уходит от него и отправляется в Москву, бежит от трудностей.

То же самое можно сказать и о рассказе М. Алоистова «Морщина»; о его герое — старом боцмане мы встречаемся в литературе не впервые, ничего нового автор нам не рассказывает.

Нельзя признать удачной повесть «Будем жить!», принадлежащую М. Шеломову. Автор ограничивается сухим пересказом событий, напоминающим беглую конспективную запись. Ничто представляя себе своего героя, М. Шеломов не сумел сделать конкретным его образ. Повесть написана к тому же серым, невыразительным языком.

Появление альманаха «Молодая гвардия» — острое событие. Сборник свидетельствует о приходе новых молодых сил в литературу, о непрерывном пополнении ее новыми писателями, тесно связанными с жизнью.

Очень бедна советская романсовая литература. Немногие лучшие романы, вошедшие в репертуар певцов, написаны, главным образом, на стихи Пушкина или Блока. Современность в этом жанре почти не отражена. Между тем, наиболее дорогие реалистические победы в советской музыке почти всегда тесно связаны с литературным движением. Напомним оперу «Тихий Дон» И. Дзержинского, превосходные хоры А. Давиденко, оратории «Емельян Пугачев» М. Бокла и «На поле Куликовом» Ю. Шапорина. Проза М. Шолохова, поэзия Н. Асеева, В. Маяковского, А. Блока вдохновляли эту музыку.

Волет советского песенного творчества, начиная с 1935—1936 гг., есть результаты крепкого сотрудничества композиторов и поэтов-песенников. Успех М. Исаковского — это в то же время успех В. Захарова, М. Визнера, В. Мокроусова. Лучшие строки стихов В. Лебедева-Кумача вошли в массовую песню, лишь зазвучав в песнях И. Дунаевского. Работа в песенном жанре сделала всенародно популярными имена А. Суркова, В. Гусева, С. Алымова, Е. Долматовского и ряда других поэтов.

Совместная работа композиторов и поэтов-песенников стала хорошим обычаем. Взаимные консультации, живая творческая взаимосвязь помогают создавать такие песни, в которых музыка и текст сливаются в органическое целое. Жаль, что у нас мало хороших поэтов, умеющих сочинять песни, а новых имен в этой области почти не видно (то же, впрочем, и с композиторами-песенниками).

Необходимо, чтобы и в области оперного искусства, а также в жанре романа, хора, оратории был достигнут такой же живой, плодотворный контакт между композиторами и литераторами, какой уже достигнут в области песни.

Здесь следует отметить и в наших уважаемых литераторах. Значительная часть советских поэтов и писателей плохо знает музыку и мало ею интересуется. Это, несомненно, приносит вред самим литераторам, особенно поэтам. Настоящая поэзия не может не быть музыкальной, в широком понимании этого слова. А совет-

Ленин в Риге

По улице, где каждая квартира
Косилась окнами на улицу и горы,
Он быстро шел,
И будущее шло,
С ним рядом шло, его покоем втора.

Был мир еще, казалось, неизменен,
И люди о свободе лишь мечтали,
Но, проходя весенней Ригой, Ленин
Уже глядел в сияющие дали.

Навстречу шли
По хмурой Цесу-мелы
Рабочие, согнувшись плечами.
Формочки пьлы в морщинах бронзовела,
Был слышен звук латышской быстрой речи.

И Ленин всматривался теплым зорком
В худые и обветренные лица,
Он видел близкий бой, в котором
Латыш и русский
Будут рядом биться.

Смет тайла...
Матюшка ругался влодь зданий,
Заставляя каменники обильны,
И думал он о будущем востана,
Что загрохочет и на этих пятах!

Он прозревал
Огромные высоты,
Полем к которым — счастье человека...
Летел над Ригой
Год Девятисотый —
Канун коммунистического века.

Перевел с латышского
Ник. ПАНОВ.

Н. ТЕЛЕШОВ

Из прошлого столицы

Кингу А. Вьюркова с несомненным интересом встретит современный читатель. Это не воспоминания, не мемуары, а именно рассказы о жизни старой Москвы. Иногда они касаются очень отдаленного прошлого, — так, например, легенда на армянском татарских набегов о проконсольном названии замоскворецкой слободы «Бабы городок». Иногда они рассказывают о сравнительно недавнем времени, таковы очерки о «Козиме», о «Бутырках» и других московских улицах. Эпоха первой русской революции 1905 года отражена во многих рассказах кингу. Ярко описано, например, строительство баррикады на Смоленском рынке, сцены расправы драугу и полиции с дружинниками.

Повесть «Козимка» хорошо рисует быт и нравы прежнего студенчества, кингуется в нескольких кварталах близ Бронной. Здесь рассказано о необычайной для того времени судьбе талантливого молодого крестьянина Василия Михеева, бывшего в дворянском, а затем, с помощью студентов поступившего учиться в Московский университет. Сильное впечатление производит рассказ «Улица просвещения». По словам автора, в Москве, что ни улица, то страница истории. Такова, например, Никольская. На ней возникли очаги всех самых крупных культурно-просветительных учреждений на Руси. Первая типография. Первая высшая школа. Университет. Первая книжная лавка. Первая публичная библиотека. Автор напоминает о молодом царе Иване Грозном, неслучайно ожидавшем первую книгу на Руси и принявшем ее, как драгоценный дар.

Хорошо рассказана история Мускусовой площади, где по преданию был казнен общик Степан Разин — казак по происхождению Мускусы где впоследствии был открыт первый народный университет.

Очерки Вьюркова о старой Москве разнообразны. Одни из них более удачны, другие — менее. Но описывает ли автор студенческий праздник «Гатинский день», рассказывает ли он о первом гулянии на Красной площади, говорит ли о первом народном университете, — везде он рисует Москву яркими штрихами, проявляя хорошее знание прошлого столицы.

А. Вьюрков. «Рассказы о старой Москве. Мускусовой площади». 1946. 278 стр.

В. Билль-Белоцерковский. Рассказы. «Советский писатель». 1947. 248 стр.

Весной 1900 года В. И. Ленин на один день приехал в Ригу для встречи с латышскими социал-демократами. На доме по Цесу-мелы 17, где он останавливался во время пребывания в Риге, установлена мемориальная доска.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Человек в джунглях

В дни войны, когда за рубежом особенно жадно ловили каждое слово о России, о жизни нашей Родины, о быте и характере русских людей, — на американском и английском книжных рынках появилось множество книг, написанных по данным воспоминаниями людьми, которым довелось побывать в России много лет назад. «Матюшка-Россия», «Душа русского мужика», «На берегах Волги», всевозможные «Русские дневники» и «Русские записки», — книги с подобными названиями назывались чуть ли не сотнями.

Многие из них были написаны с самыми лучшими намерениями. Авторы стремились быть честными. Но анахронизмы перепрыгивали все эти книги в забавный анекдот. Никогого представления о нашей стране читателю дать они не могли.

Виденное двадцать лет назад не могло бы быть увиденным иначе. Образ жизни, с которым повстречался путешественник, не похож был на нынешний образ жизни в советской стране. Описанные характеры имели мало сходства с характерами советских людей, которые в годы появления этих книг вели застойную жизнь за свою свободу и независимость.

Мы привыкли к стремительно изменяющейся жизни.

Даже в нашей собственной литературе книги, рассказывающие о событиях, происшедших пятнадцать, даже десять лет назад, воспринимаются, как книга историческая. Стремительно изменяются не только материальные, внешне призрачные жизни, — меняется и существо конфликтов, принципы человеческих отношений. За первое двадцатилетие после революции страна шагнула от капитализма к социализму. Прошла через горнило войны, народ продолжает стремительно движение к коммунизму. В этом движении меняется человек, меняется отношение к миру, расправляются плечи, шире и свободнее становится дыхание.

Почему-то и оказывается анекдотичной, легкой любая книга о нашей стране, написанная лишь по старым воспоминаниям.

Небольшой сборник рассказов В. Билль-Белоцерковского, известного советского драматурга, напоминает о том, что стремительные изменения происходят, однако, не везде, что темп изменений, привычный для нас, не характерен для капиталистических стран, живущих застойной и страшной жизнью.

Автор, в прошлом бывший моряк, пишет в кратком предисловии:

«В течение многих лет (с 1900 по 1917 год) я пробыл за границей. Мне пришлось много скитаться по морям и по

суше, по городам Америки и Европы. На основе личных наблюдений написаны мною эти рассказы. Во многом они автобиографичны».

Таким образом, автор сам предупреждает, что книга исторична, что картинные, описанные в ней, обладают более чем тридцатилетней давностью.

И тем не менее, читая любой из рассказов, составляющих книгу, мы все же не ощущаем ее, как книгу о прошлом. Каждый рассказ вызывает в памяти телеграммы и сообщения, прочитанные в недавних газетах; то, что видел за рубежом писатель почти полвека назад, увидел бы он и сегодня. В «царстве чистоты», при всех многочисленных частных изменениях, законы жизни остаются прежними.

Вот рассказ «Пять долларов». Безработный рассчитывает каждый пенс из своих скудных сбережений. Он голодает. Только пять долларов сохраняются в неприкосновенности — те пять долларов, которые нужно заплатить хозяину частного бюро по найму, если тот, наконец, подыщет ему работу. Проходит месяц, три, полгода... И когда наступит желанный день и голый человек переступит через порог фабрики, — оказывается, что он настолько истощен, что и работать уже не в силах. Его выгоняют. Заветные пять долларов пропала зря.

О случаях, подобных этому, можно услышать и сегодня, если повтереваться с причинами десятков ежедневных самоубийств в «стране долларов».

В рассказе «Хороший урок» человек, заменивший окошко небоскреба, получает на десять долларов меньше положенной ставки только потому, что он по прохолождению не американился. Он ищет справедливости, но не находит ее ни в профсоюзе, ни в суде. Все куплено, все служит капиталистам. Это вовсе не только история. Это нынешний день капиталистического мира.

«Простой пациент». Профессор отказывается в помощи больному рабочему, потому что тот не в состоянии заплатить столько, сколько «светило науки» обычно берет за визит. «Бисмарк и негр»: матрос со стариком, и его выгоняют, выбрасывают с корабля «трубо... как трупца за борту». История человека, которого отравил капиталистический строй лишь жены и ребенка, но не сумев покончить с предраспуту душой простого труженика, — душу отравившую, не очерствевшую от неопытности, полную любви к братьям по труду и востанью против черствости, несправедливости и жестокости. Об этом рассказано в «Старом Китае». Безработный, осатаневший от голода, садится за ресторанный столик и заказывает один за другим три бифштекса, хотя в кармане у него нет ни цента. За бифштексы он расплачивается пятью мессами своей свободы («Три бифштекса = приложенному»). Негр-боксер побеждает на матче белого чемпиона и должен немедленно скрыться, бежать невольно куда, чтобы спастись от сузы Линча («Пощечина»). Таковы сюжеты рассказов книги, написанной несколько столетием, в матери, которая заставляет вспомнить почерк Константина Станиславского, предпочтительного форму рассказа от первого лица, не увлекательного острой сюжетностью, обходящегося без всяких словесных украшений. Он бесхитростно и скупой рисует портреты и пейзажи, но умел, рассказывая о своих героях, вызывать в читателе любовь и сочувствие к тем людям, с которыми знакомила его книга.

Есть в сборнике рассказ «В джунглях Парижа». Рассказ этот отточен больше, чем другие произведения книги. Слова в нем отбросили бережно, образы ясны. Описаны здесь переживания безработного, бездомного человека, скитавшегося по огромному городу. В захватывающем бреду находит он пустую будку в зоологическом саду; натро с трудом выполняет из нее, чтобы начать новый страшный день борьбы с голодом, толпящимся человеком в ливневой канализации, куда принесла кусок мяса, в двери кафе — на запах горячей пищи, в пыльный вихрь Лувра, только потому, что туда потоком идут другие люди, и потому, что там, вероятно, тепло, а может быть, можно даже присесть в тепле в задремавшем неаполитане...

«Крестится дома и фонарь», — заканчивается этот рассказ. — Тогда я ложусь на асфальт и, как черепашка, ползу в сторону; противоположную дрему...»

Человек, вынужденный до состояния животного; враждебный город, окружающий его, как джунгли, из которых нет иного выхода, кроме мольбы, — об этом написаны все десять рассказов, составляющих книгу. Это десять картин, раскрывающих перед нами враждебный человеку капиталистический строй и созданный им уродливый уклад жизни.

Эта первая беллетристическая книга, написанная одним из старейших советских драматургов, глубоко человека. Любовь к простому труженику и ненависть к его угнетателям наполняют страницы книги живым, заражающим читателя чувством.

В дни войны, когда за рубежом особенно жадно ловили каждое слово о России, о жизни нашей Родины, о быте и характере русских людей, — на американском и английском книжных рынках появилось множество книг, написанных по данным воспоминаниями людьми, которым довелось побывать в России много лет назад. «Матюшка-Россия», «Душа русского мужика», «На берегах Волги», всевозможные «Русские дневники» и «Русские записки», — книги с подобными названиями назывались чуть ли не сотнями.

Многие из них были написаны с самыми лучшими намерениями. Авторы стремились быть честными. Но анахронизмы перепрыгивали все эти книги в забавный анекдот. Никогого представления о нашей стране читателю дать они не могли.

Виденное двадцать лет назад не могло бы быть увиденным иначе. Образ жизни, с которым повстречался путешественник, не похож был на нынешний образ жизни в советской стране. Описанные характеры имели мало сходства с характерами советских людей, которые в годы появления этих книг вели застойную жизнь за свою свободу и независимость.

Мы привыкли к стремительно изменяющейся жизни.

Даже в нашей собственной литературе книги, рассказывающие о событиях, происшедших пятнадцать, даже десять лет назад, воспринимаются, как книга историческая. Стремительно изменяются не только материальные, внешне призрачные жизни, — меняется и существо конфликтов, принципы человеческих отношений. За первое двадцатилетие после революции страна шагнула от капитализма к социализму. Прошла через горнило войны, народ продолжает стремительно движение к коммунизму. В этом движении меняется человек, меняется отношение к миру, расправляются плечи, шире и свободнее становится дыхание.

Почему-то и оказывается анекдотичной, легкой любая книга о нашей стране, написанная лишь по старым воспоминаниям.

Небольшой сборник рассказов В. Билль-Белоцерковского, известного советского драматурга, напоминает о том, что стремительные изменения происходят, однако, не везде, что темп изменений, привычный для нас, не характерен для капиталистических стран, живущих застойной и страшной жизнью.

Автор, в прошлом бывший моряк, пишет в кратком предисловии:

«В течение многих лет (с 1900 по 1917 год) я пробыл за границей. Мне пришлось много скитаться по морям и по

суше, по городам Америки и Европы. На основе личных наблюдений написаны мною эти рассказы. Во многом они автобиографичны».

Таким образом, автор сам предупреждает, что книга исторична, что картинные, описанные в ней, обладают более чем тридцатилетней давностью.

И тем не менее, читая любой из рассказов, составляющих книгу, мы все же не ощущаем ее, как книгу о прошлом. Каждый рассказ вызывает в памяти телеграммы и сообщения, прочитанные в недавних газетах; то, что видел за рубежом писатель почти полвека назад, увидел бы он и сегодня. В «царстве чистоты», при всех многочисленных частных изменениях, законы жизни остаются прежними.

Вот рассказ «Пять долларов». Безработный рассчитывает каждый пенс из своих скудных сбережений. Он голодает. Только пять долларов сохраняются в неприкосновенности — те пять долларов, которые нужно заплатить хозяину частного бюро по найму, если тот, наконец, подыщет ему работу. Проходит месяц, три, полгода... И когда наступит желанный день и голый человек переступит через порог фабрики, — оказывается, что он настолько истощен, что и работать уже не в силах. Его выгоняют. Заветные пять долларов пропала зря.

О случаях, подобных этому, можно услышать и сегодня, если повтереваться с причинами десятков ежедневных самоубийств в «стране долларов».

В рассказе «Хороший урок» человек, заменивший окошко небоскреба, получает на десять долларов меньше положенной ставки только потому, что он по прохолождению не американился. Он ищет справедливости, но не находит ее ни в профсоюзе, ни в суде. Все куплено, все служит капиталистам. Это вовсе не только история. Это нынешний день капиталистического мира.

«Простой пациент». Профессор отказывается в помощи больному рабочему, потому что тот не в состоянии заплатить столько, сколько «светило науки» обычно берет за визит. «Бисмарк и негр»: матрос со стариком, и его выгоняют, выбрасывают с корабля «трубо... как трупца за борту». История человека, которого отравил капиталистический строй лишь жены и ребенка, но не сумев покончить с предраспуту душой простого труженика, — душу отравившую, не очерствевшую от неопытности, полную любви к братьям по труду и востанью против черствости, несправедливости и жестокости. Об этом рассказано в «Старом Китае». Безработный, осатаневший от голода, садится за ресторанный столик и заказывает один за другим три бифштекса, хотя в кармане у него нет ни цента. За бифштексы он расплачивается пятью мессами своей свободы («Три бифштекса = приложенному»). Негр-боксер побеждает на матче белого чемпиона и должен немедленно скрыться, бежать невольно куда, чтобы спастись от сузы Линча («Пощечина»). Таковы сюжеты рассказов книги, написанной несколько столетием, в матери, которая заставляет вспомнить почерк Константина Станиславского, предпочтительного форму рассказа от первого лица, не увлекательного острой сюжетностью, обходящегося без всяких словесных украшений. Он бесхитростно и скупой рисует портреты и пейзажи, но умел, рассказывая о своих героях, вызывать в читателе любовь и сочувствие к тем людям, с которыми знакомила его книга.

Есть в сборнике рассказ «В джунглях Парижа». Рассказ этот отточен больше, чем другие произведения книги. Слова в нем отбросили бережно, образы ясны. Описаны здесь переживания безработного, бездомного человека, скитавшегося по огромному городу. В захватывающем бреду находит он пустую будку в зоологическом саду; натро с трудом выполняет из нее, чтобы начать новый страшный день борьбы с голодом, толпящимся человеком в ливневой канализации, куда принесла кусок мяса, в двери кафе — на запах горячей пищи, в пыльный вихрь Лувра, только потому, что туда потоком идут другие люди, и потому, что там, вероятно, тепло, а может быть, можно даже присесть в тепле в задремавшем неаполитане...

«Крестится дома и фонарь», — заканчивается этот рассказ. — Тогда я ложусь на асфальт и, как черепашка, ползу в сторону; противоположную дрему...»

Человек, вынужденный до состояния животного; враждебный город, окружающий его, как джунгли, из которых нет иного выхода, кроме мольбы, — об этом написаны все десять рассказов, составляющих книгу. Это десять картин, раскрывающих перед нами враждебный человеку капиталистический строй и созданный им уродливый уклад жизни.

Эта первая беллетристическая книга, написанная одним из старейших советских драматургов, глубоко человека. Любовь к простому труженику и ненависть к его угнетателям наполняют страницы книги живым, заражающим читателя чувством.

Литературная газета

№ 32

3

Н. НЕСТЬЕВ

Писатель и композитор

Четыре дня в Кларктоне

Ховард Фаст — коммунист, один из популярнейших американских писателей. Наиболее значительные свои вещи он создал в годы второй мировой войны.

Фаст известен в США, главным образом, как автор исторических романов о прошлом Америки, о свободомыслии, о борьбе простых людей за свои права. Именно эта сторона романов Фаста привлекала симпатии демократически настроенных читателей.

Недавно исторический романист Фаст выступил с книгой о современности. В романе «Кларктон», вышедшем в свет в конце прошлого года, писатель рассказывает об обстановке в Кларктоне в послевоенной Америке, о фашистских настроениях в правящих кругах и о растущей воле к сопротивлению среди рабочих.

Кларктон — маленький промышленный городок Новой Англии на севере США. В романе описываются события, разыгравшиеся там в течение четырех дней — с 6 по 9 декабря 1945 года. На единственном крупном предприятии города происходит забастовка — рабочие добиваются повышения заработной платы. Владелец фабрики Джордж Лоуэлл отнюдь не намерен удовлетворить их требования. По совету управляющего, он решает прибегнуть к помощи представителей одной из специальных американских организаций по борьбе с профсоюзами.

На другой день в Кларктоне появляется некто Гамильтон Гейб. Рабочие узнают в нем человека, который до войны сорвал немало забастовок в различных частях страны. С помощью местного начальника полиции, судьи и провокатора, принявшего в ряды забастовщиков, разрабатывается план разгрома стачки.

Прежде всего Гейб изобретает «легальный» повод для того, чтобы арестовать тех, кто возглавляет забастовку, — коммунистов Денни Райана и Джо Райя. Райя и Рай в руках полиции. Гейб пытается их подкупить. Потерпев неудачу, Гейб переходит к открытому фашистским методам: незаконно арестованных стачечников подвергают страшным истязаниям. Однако сломить волю коммунистов не удается, — как только Райяна выпускают из застенка, он организует мощную демонстрацию протеста. Полицейские стремятся в демонстрантов — среди стачечников есть убитые и раненые. И все же Гейб и те, кто за ним стоит, не добились цели. Стачка продолжается...

Выразительно рисует автор образ профессионального штрейкбрехера Гейба. Это холодный, расчетливый и хитрый прислужник крупного капитала. Он знает, что коммунисты пользуются доверием рабочих, а поэтому считает, что бороться против коммунистов нужно путем самого жестокого террора.

Фашисту Гейбу противопоставлен Денни Райян, секретарь фабричной коммунистической ячейки. Этот простой, скромный рабочий — человек проникательного ума и огромного мужества. Райян первым догадывается, что в борьбе против забастовщиков фабрикант Лоуэлл не остановится ни перед какими подлостями. Сила убеждения, свойственная Райяну, позволяет ему повести за собой рабочих, несмотря на клеветания Носки, официального руководителя профсоюза.

Роман Фаста убедительно свидетельствует, что современное политическое и экономическое положение в США толкает простых американцев на путь более сознательной и активной борьбы против сил реакции. Эта книга говорит также об идейной близости писателя к наиболее передовым слоям американского народа.

И все же нужно сказать, что «Кларктон» страдает серьезными недостатками, снижающими идейно-художественную ценность романа.

Наибольшее внимание автор уделяет образу капиталиста, владельца кларктонской фабрики. Джордж Лоуэлл стал хозяином предприятия только в 1940 году, после смерти отца. При старом Лоуэлле в

• Howard Fast. Clarkton. Duell Sloan and Pearce New-York. 1947.

Кларктоне господствовали «нормальные» капиталистические порядки — рабочие бастовали, Лоуэлл применял штрейкбрехеров и наемных полицейских для разгрома стачек, борьба между фабрикантом и трудящимися носила весьма откровенный и острый характер. Джордж Лоуэлл, как показывает Фаст, вначале, видимо, искренне верил, что порядкам, существовавшим при отце, больше нет места. «Ведь это не традиционные годы», — говорит он. Ряд лет в Кларктоне не было забастовок, все шло тихо и мирно. Но вот в конце 1945 года, когда профсоюз выдвинул требование о повышении заработной платы и организован стачку, молодой Лоуэлл пошел по стопам отца.

Несмотря на свои либеральные высказывания, фабрикант приглашает в Кларктон Гейба и, по существу, санкционировал его действия. Попутно выяснилось, что Лоуэлл — развратник, что он бездушный, разложившийся человек. Фаст уделяет чрезвычайно много места покаянию Лоуэлла и его семьи, старательно описывает любовные похождения фабриканта, находя нужным останавливаться на самых отвратительных натуралистических подробностях.

Рядом с Лоуэллами писатель изображает чуждого человека. Доктор Зббот и его жена — коммунисты. Но они связаны с Лоуэллами узлами многолетней дружбы. Если верить автору книги, подлинный облик фабриканта все время оставался для них тайной за семью замками, и только события, происшедшие за четыре дня, которые описаны в романе, открыли Збботам глаза. Доктор Зббот в конце концов гонит прочь своего «друга», когда тот приходит к нему, чтобы попытаться реабилитировать себя.

Все это, конечно, явная ложь. Но история взаимоотношений Лоуэлла и Зббота лишь подчеркивает искусственность, свойственную также некоторым другим частям романа. В первых главах книги Фаст создает впечатление, будто в Кларктоне, несмотря на происходящую там забастовку, царит почти патриархальные нравы, точно в этом городке не знают, что такое классовая борьба. Даже коммунисты, за исключением Райяна, находятся в плену благодушных настроений. Недавно закончившаяся война прошла мимо сознания жителей Кларктона, смысл ее никто не интересуется. Жители этого промышленного городка, одного из центров американской индустрии, как бы вырваны из общего потока современной американской жизни.

Вместо того, чтобы показать с должной конкретностью, на основе реальной исторической действительности, как складывались в Америке отношения между капиталистами и рабочими в годы второй мировой войны, когда американские реакционеры не ропщали особенно откровенно пропагандировать свои воззрения, и какие изменения произошли после ее окончания, когда капиталисты в США перешли к агрессивному курсу и во внешней, и во внутренней политике, Фаст преподнес читателю выдуманную историю о «добром» капиталисте, по воле случая ставшем хозяином фабрики как раз накануне вторжения США в войну, и о его «гребенчатых» после окончания войны.

Фаст обещал свой роман, ибо он в значительной степени рассматривает описываемые события не с социально-исторических, а с абстрактно-психологических позиций.

Советский читатель еще мало знаком с творчеством Ховарда Фаста. Недавно Государственное издательство иностранной литературы выпустило интересный роман Фаста «Последняя граница». Это первая книга писателя, переведенная на русский язык. Заслуживает перевода также роман «Дорога свободы», показывающий страшную судьбу негров в «демократической» Америке.

Следует надеяться, что писатель, продолжая работу в области современной тематики, сумеет дать более глубокую и более правдивую картину той борьбы между силами реакции и силами демократии, которая разворачивается в Америке.

«Король Мертвого моря»

С некоторых пор заброшенный в далеком Загоранье близ Мертвого моря маленький, пыльный арабский городок Амман стал одним из основных центров, откуда британские дипломаты и агенты разведывательной службы плетут сеть заговоров против народов Ближнего Востока.

Чем же, собственно, обязан Амман такому вниманию Лондона? Почему Форейн офис избрал этот унылый уголок в качестве центра для распространения своей деятельности в странах арабского Востока? Дело в том, что Амман — столица Трансйордании и резиденция Абдуллы, маркониетовского монарха этого маркониетовского государства, будущего старца и, как он сам говорит, «самого надежного друга и слуги Британской империи на Ближнем Востоке».

Абдулла солидный старик верной службы британской короне и предельно лояльный национальный интересам арабов. Незадолгий отпрыск бывшего хашемитского короля Хусейна, Абдулла еще в юности позорно бежал под защиту штыков британской армии из отхваченного войной Геджаса, где его соплеменники сражались с династией захватчиков.

Абдулла первый приветствовал пришедших на смену туркам англичан, как «освободителей», помогая английскому генералу Алленби и разведчику Лоуренсу «освободить» Ирак, Сирию, Палестину. Он был проводником отрядов английских карателей в «непокорных» районах арабского Востока. На короткое время Абдулла возвысился на багдадский престол и сразу же отдал на откуп английским колонизаторам нефтяные богатства Ирака.

Абдулла, понадеявшись на щедрость своих хозяев, не ошибся в расчетах. Когда англичанам понадобился надежный холм для водворения в качестве эмпира на отторгнутой от Палестины подмандатной территории за рекой Иордан, их выбор пал на Абдулла.

Получив в 1921 году от Черчилля «самостоятельный» эмират, а в 1946 году от Веллиа «независимое» королевство, Абдулла превратил маленький городок в крупнейшую арабскую казарму. Расположенная в самом сердце арабского мира, Трансйордания стала главной базой вооруженных сил Англии в этом важном стратегическом районе. Трудно сказать, что больше на трансйорданской территории — поданных его величества короля Трансйордания или солдат его величества короля Великобритании.

Сейчас английское лейбористское правительство стремится любой ценой сохранить военные базы на территории «независимого» королевства. Абдулла, откуда можно постоянно угрожать свободе и независимости Сирии, Ливана, Египта, Саудовской Аравии и Ирака, являясь на их внешнею и внутреннюю политику, охраняет интересы английских и американских нефтяных компаний.

Время от времени англичане выпускают Абдулла в качестве пута на арену для устрашения арабских народов и их пра-

вительств. Он истерически требует аннексии республиканских Сирии и Ливана, аннексии Палестины, присоединения Ирака, вопит о создании «Великой Сирии». Эта черпаловая идея «единого арабского государства» особенно ему улаживает. Такое государство, естественно, должно походить на нынешнюю Трансйорданию, и Абдулла, став аялаха, уже видит себя всерабским «фюрером».

Голова Абдуллы напичкана десятками проектов и планов. Он произносит вслух то, что вынашивается в тиши кабинетов Форейн офиса и Интеллидженс сервиса в Лондоне. То и дело из Аммана раздаются призывы к заключению военного союза арабских стран с «дружественной» Англией, к организации «восточного блока», к борьбе с коммунизмом. Разжигая междоусобицу среди народов Палестины, Абдулла переправляет в эту страну отряды трансйорданской армии, прикрывая интервенционистские действия как выдвинутой базой о «советском проникновении на святуя землю». 18 апреля ретивый «потомок пророка» заявил о готовности начать военные действия в Палестине.

Этот английский попутай устраивает пышные приемы и пресс-конференции, пишет мемуары, рассылает своих эмиссаров во все страны и нагло выстукает «от имени всех арабов».

Он совершает выезды и подписывает договоры. Забыв о черных временах владычества Османской империи на арабском Востоке, Абдулла мчится в Анкару и заключает трансйорданско-турецкий союз. Он понуждает к заключению подобного же союза нещадно обобранным турками Сирию. В Лондоне он подписывает протокол о «дружбе и независимости», а в Багдаде — военный союз.

Каждый шаг этого фарисея и лицемера — очередное предательство дела независимости арабов. Стараниями Абдуллы и других английских подполковников Лига арабских стран фактически превратилась в послушное орудие англичан.

Ближайшим другом и советником Абдуллы и начальником вооруженных сил Трансйордания является широко известный на арабском Востоке Габб-паша, английский генерал Джон Багет Габб, матерый шпион, мастер интриг и провокаций среди племен и один из главных исполнителей британских планов на Ближнем Востоке. В своем служебном решении Габб-паша давно переделал всех других английских агентов в этом районе, даже приняв ислам, ассимилировался и втерся в доверие арабов.

Через Габб-пашу в карманы Абдуллы перекачивался не один миллион фунтов стерлингов. Сауга получает с хозяина сполна — за содержание на трансйорданской территории английских войск, за организацию смут в соседних странах, за борьбу с коммунизмом, за военные союзы и жандармскую службу.

После скандального провала в январе-феврале нынешнего года англо-арабского

договора о «совместной обороне», вызвавшего всемирные демонстрации протеста в Багдаде, Абдулла поспешил направить в Лондон своих представителей — Габб-пашу и премьер-министра Тевфик-пашу. Целью их поездки было «выражение сожаления» г-ну Веллиу и пересмотр англо-трансйорданского договора 1946 года с тем, чтобы еще больше укрепить «дружественные узы» между Англией и Трансйорданией.

И вот недавно, 15 марта, в Аммане был провозглашен новый военно-политический союз между двумя странами, предусматривающий право транзита через территорию Трансйордания неограниченного количества британских войск, использование военно-воздушных баз, устройство военных складов, совместное обучение войск и стандартизация вооружения.

За поддержание престижа г-на Веллиа на Ближнем Востоке после краха его политики в Ираке и Египте англичане обязались выплачивать Абдулле 500 тысяч фунтов стерлингов в месяц, не считая разовой суммы в два миллиона фунтов. Отражая мнение подавляющего большинства населения Ближнего и Среднего Востока, каирская газета «Аль-Бага» 19 марта писала, что «горечи и недовольства арабов очередным предательством Абдуллы — нет предела». «Для блага всех арабов», — заявляет газета, — парламент Трансйордания должен отвергнуть договор по примеру Египта и Ирака, которые отбросили даже менее кабальные варианты этого договора».

Однако некто унять аластолюбивого и жадного монарха Трансйордания, этого «короля Мертвого моря», как называют его арабы, который продолжает браться за оружие, обещает скрутить в бараний рог соседние государства и стать коронованным владыкой группы стран, обещанных в пресловутой «Великой Сирии» — варианте «Великой Германии» Гитлера.

Англичане всячески подготавливают военный шаг Абдуллы. Они знают, что, если на троне «Великой Сирии» или «Великой Трансйордания» будет находиться Абдулла, — им легче будет осуществлять свои замыслы и вести борьбу с национально-освободительным движением народных масс.

Но судьбы арабских народов будут решать не англичане и их ставленники типа Абдуллы, а сами народы. «Король Мертвого моря» чувствует это. Говорят, что в последнее время он частенько жалуется на нервные расстройства и постепенно переводит капиталы за границу. В его памяти, видимо, еще слышны свежие февральские события в соседнем Ираке, где многочисленные толпы народа, возмущенные преступной сделкой правителей с англичанами, вышли на улицы Багдада с грозным предупреждением предателям национальных интересов и перепуганным премьер-министру Салех Джаури трусливо бежал от разъяренных демонстрантов на британском самолете в Лондон...

Г. ОСИПОВ

В городе Фурманове забыли о Фурманове

Года полтора назад, приехав в город Фурманов, Ивановской области, мы собрались было пойти в музей Д. А. Фурманова. К большому нашему удивлению, нам сказали, что никакого музея в городе нет и в помине.

Секретарь горкома партии тов. Качалов заявил:

— Во время войны было не до того, а вот теперь все организуем. Музей, конечно, обязательно создадим...

— И памятник, — добавил секретарь по кадрам тов. Куликов. — В ближайшем будущем на двух зданиях мемориальные доски установим. Они давно уже в Иваново заказаны...

Этот разговор припомнился нам, когда недавно мы снова приехали в город Фурманов.

Товарищи из отдела пропаганды горкома ВКП(б), к которым мы обратились с тем же вопросом, — давали два года назад, ничего не могли сказать ни о музее, ни о памятнике, ни о мемориальных досках.

Из горкома поехали в горисполком. Нам принял тов. Усов — заместитель председателя горисполкома.

— В каком году город Серела переименован в Фурманов? — задали мы вопрос.

И в тов. Усов, из кого-либо другой из местных работников не смог ответить на наш вопрос. Назывались самые различные даты — 1936, 1939, 1940 годы, однако точно никто не знал.

Лишь на следующий день, после того, как был «поднят архив», товарищи из горкома и горисполкома стали известны, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 марта 1941 года, в связи с 15-летием со дня смерти писателя, город Серела переименован в Фурманов.

В архиве же была найдена копия телеграммы, посланной 15 марта 1941 года Президиуму Верховного Совета РСФСР от имени сессии горсовета. В телеграмме имеются такие строки:

«В день 15-й годовщины со дня смерти писателя-большевика, комиссара Чапаевского дивизии, мы с особой теплотой вспоминаем о нем, о его годах детства, которые он провел в селе Серела. Свято храним память о тов. Фурманове, мы заверим Верховный Совет РСФСР...»

...Мы побывали еще в горОНО, городской в детской библиотеке и ввиду отсутствия возмущительно холодное отношение к памяти Дмитрия Андреевича Фурманова.

На Большой Фурмановской улице, в двухэтажном каменном доме, в крохотной комнатке, живет семья отца писателя — Андрея Семеновича. Были ли тут хотя бы за секретари горкома партии или председатели горисполкома? Нет, конечно. Как выяснилось, они не знают даже номера дома, где жил Д. А. Фурманов.

Так в Фурманове забыли Фурманова. У руководителей городских организаций нет ни той «особенной теплоты», о которой говорилось в телеграмме, адресованной 15 марта 1941 года сессии горсовета Президиуму Верховного Совета РСФСР, нет и «памяти» о своем земляке, имя которого с глубоким уважением произносится по всей нашей стране.

О. МОИСЕЕВ.

Мер города волею вулкана отныне обращается в пепел. «Ненси», англичанка и американка, пропавшая через наш город. Стоит ли нам после этого бороться с каким-то далеким извержением вулкана? (Карикатура из итальянского журнала «Кальчано».)

Привидение возвращается вновь...

Вирно консультировал сценарий австрийского фильма «Белый балахон». Смысл произведения — жестокий балласт был возмущен в свое время Черчиллем у Гейбелсы.

(Из газет).

Знаменитому таланту, Коим зритель потрясен, — Сценаристу-консультанту Раз приснился страшный сон. Сны подобные — кошмаром Людвиг в трепете зовут.

Будто он за гонимым Приезжает в Голландию. В настроенье самым лучшим Он подходить к кассе... но — Гонимый уже получил! Говорит ему в окошко...

— То-ест кем? — вскричал он, не без Удивления на лице. И читает подпись — «Гейбелсы» Против суммы — на листе...

Тут и горечь и досада... Положение — друзья! В суд подать, как будто надо И как будто бы нельзя.

Потому — неслио даже, Кто больше виноват — Доктор Гейбелсы ли за кражу, Или ли, Вирно, за плагиат? Лишь когда настало утро, Страшный кошмар кошмар... И рассказывают, будто Получил он гонимый...

... Есть в народе слух ужасный, Будто в полночь каждый раз Этот самый Вирно несчастный Гостя ждет в урочный час...

Лишь зажгутся звезды в небе, Стихнет уличный трамвай, И дверь стучится доктор Гейбелсы И кричит ему:

«Отдай!»

Владимир СОЛОВЬЕВ

Факты без комментариев

В английском журнале «Контемперари» помещено следующее сообщение: Один американский священник счел существование бога устаревшим и призвал к установлению веры в «нового американского бога». Этот «новый бог» должен отвечать всем определенным требованиям: он должен быть «демократическим богом», а не монархическим; он должен быть «кашмиром (американским) компаньоном», а не нашим отцом; наконец, он должен «адаптироваться к нас, американцам, а не мы к нему».

ДОСТОЯНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Одна из нью-йоркских компаний, владеющая домом, где снимает квартиру демонизированный военный моряк Уильям Сперлинг, весьма своеобразно поздравил его с рождением долгожданного ребенка. Сперлингу объявили, что в связи с увеличением его семьи «квартирная плата повышается». Федеральное управление по вопросам квартирлаты одобрило действия компании.

Аристократы по-дешевке

Как сообщает лондонская «Ивинг стандарт», в Англии сейчас процветает новый вид бизнеса — подыскивание аристократических родословных для облателей американской валюты. Расценки, существующие в области этого научно-исследовательского «сервиса», различны, в зависимости от того, что хочет приобрести «заказчик»: скромное генеалогическое древо — 10 миллионов долларов; полный факультет Эрнсту фон Штауфенбергу, бывшему вожаку штурмовиков, организатору «Кейзера».

Как сообщает французский еженедельник «Ансьель», Государственный департамент США ввела оплукановане 8.000 документов, касающихся участия Испании в войне на стороне гитлеровской Германии.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Австрийские власти возвращают 28 замков и вилл, 8.500 гектаров земли стоимостью в 10 миллионов долларов, принадлежавших фашистскому фон Штауфенбергу, бывшему вожаку штурмовиков, организатору «Кейзера».

Как сообщает французский еженедельник «Ансьель», Государственный департамент США ввела оплукановане 8.000 документов, касающихся участия Испании в войне на стороне гитлеровской Германии.

Сад селекционеров-любителей

КИЕВ. (Наш корр.). Киевский ботанический сад Академии наук Украины выделил специальный участок для высадки на нем деревьев и плодовых, выделенных народными селекционерами — колхозниками и садоводами-любителями. Этот участок даст возможность в научных целях обобщить опыт селекционеров и популяризировать их достижения в колхозах и совхозах республики.

В адрес ботанического сада поступают письма от агрономов и садоводов со всех концов Украины с предложением своих экспонатов. Так, селекционер Мелитопольской садовой станции тов. Орловский предложил особый сорт местных абрикосов, которые созревают в октябре. Колхозник тов. Шеглок из Черняковского района, Житомирской области, прислал очень ценные сорта черешен. Местный сорт князя представил для сада киевский учитель тов. Писанка.

Новые книги

ГОСПОЛПНАДАТ

Дипломатический словарь. Т. 1. Главная редакция А. А. Вильямского и О. Л. Лозовского. 856 стр. Цена 40 р.

Документы в материальную культуру второй мировой войны. Т. 1. 308 стр. Цена 8 р.

Лав В. В. США от первой до второй мировой войны. 644 стр. Цена 12 р.

Майнхарт Н. История прессы Рима. 680 стр. Цена 18 р.

Ноткин А. Очерки теории социального экономического воспроизводства. 208 стр. Цена 6 р.

Чернышевский Н. Наблюдения экономическое производство. Т. 1. 760 стр. Цена 12 р.

Огильев Ф. Анти-Дюринг. 376 стр. Цена 7 р. 50 к.

Огильев Ф. Протекционизм, частная собственность и государство. 224 стр. Цена 4 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В серии «Библиотечка писателя» издана литература советской литературы 1917—1947. Вышли следующие книги:

Верещагин П. Лиды с чистой совестью. 404 стр. Цена 10 руб.

Гроссман В. Стенда Кольчугин. Роман. Книга вторая. Ч. 1 и II. 376 стр. Цена 9 р. 25 к.

Гроссман В. Стенда Кольчугин. Роман. Книга третья. Ч. III и IV. 478 стр. Цена 11 р. 25 к.

Кузнецов А. Избранное. 288 стр. Цена 10 р. 50 к.

Крымов Ю. Повести. 856 стр. Цена 8 руб.

Некрасов В. В. Окопав Охотничья. 272 стр. Цена 8 р. 50 к.

Новиков-Прибой А. Пустыня. 878 стр. Цена 20 р. 25 к.

Пастернак Е. Наблюдения. 180 стр. Цена 6 р. 25 к.

Сергеев-Ценский С. Севастопольская страда. Роман. Ч. III. 948 стр. Цена 10 р. 50 к.

Тихонов Н. Избранное. Стихи и поэмы. 852 стр. Цена 11 руб.

РАССКАЗЫ

Обложка книги В. Орехова «Рассказы», выпущенная в массовом серии Гослитиздата. Работа худ. Н. Шеберстова.

Крымов Ю. Повести. 856 стр. Цена 8 руб.

Некрасов В. В. Окопав Охотничья. 272 стр. Цена 8 р. 50 к.

Новиков-Прибой А. Пустыня. 878 стр. Цена 20 р. 25 к.

Пастернак Е. Наблюдения. 180 стр. Цена 6 р. 25 к.

Сергеев-Ценский С. Севастопольская страда. Роман. Ч. III. 948 стр. Цена 10 р. 50 к.

Тихонов Н. Избранное. Стихи и поэмы. 852 стр. Цена 11 руб.

Виргин М. От Москвы до Берлина. Стихи и очерки военного корреспондента. 347 стр. Цена 7 р.

Герасимов Е. Рассказы. 180 стр. Цена 1 р. 60 к.

Губельман М. Сергей Ла- 110 стр. Цена 75 к.

Некрасов В. В. Окопав Охотничья. 272 стр. Цена 8 р. 50 к.

Новиков-Прибой А. Пустыня. 878 стр. Цена 20 р. 25 к.

Пастернак Е. Наблюдения. 180 стр. Цена 6 р. 25 к.

Сергеев-Ценский С. Севастопольская страда. Роман. Ч. III. 948 стр. Цена 10 р. 50 к.

Тихонов Н. Избранное. Стихи и поэмы. 852 стр. Цена 11 руб.

Виргин М. От Москвы до Берлина. Стихи и очерки военного корреспондента. 347 стр. Цена 7 р.

Герасимов Е. Рассказы. 180 стр. Цена 1 р. 60 к.

Губельман М. Сергей Ла- 110 стр. Цена 75 к.

Некрасов В. В. Окопав Охотничья. 272 стр. Цена 8 р. 50 к.

Новиков-Прибой А. Пустыня. 878 стр. Цена 20 р. 25 к.

Пастернак Е. Наблюдения. 180 стр. Цена 6 р. 25 к.

Сергеев-Ценский С. Севастопольская страда. Роман. Ч. III.